

Говорить об этом Мэн Хуайсюю было только злить себя.

До сих пор он всё еще находился на испытательном сроке у Пэй Цинюэ, пытаясь стать его другом.

Каждый день ему приходилось выслушивать одну и ту же осточертевшую мораль: брось курить, не ввязывайся в неприятности, перестань нести чушь.

В жестких и строгих стандартах Пэй Цинюэ он, Мэн Хуайсюй, казался сущим антипримером.

Пэй Цинюэ со сложным выражением лица взглянул на него и тихо возразил:

— Мэн Хуайсюй, ты ведь действительно... и близко не стоишь рядом со словом «обычный».

— Ну тогда мне, пожалуй, стоит поблагодарить нашего старосту за комплимент.

— ...Ты такой человек, от которого в любых обстоятельствах исходит слишком сильное присутствие.

Словно пытаясь скрыть какие-то эмоции, Пэй Цинюэ бесстрастным тоном добавил:

— Неважно, в хорошем смысле или в плохом... ты слишком бросаешься в глаза.

Глядя на отличника, который слегка отвел взгляд, Мэн Хуайсюй отчетливо заметил на его бледной коже легкий подозрительный румянец, затронувший даже кончики ушей, окрасившие их в неестественный цвет.

Мэн Хуайсюй про себя всё понял: этот скрытный зубрила, скорее всего, испытывал к нему какие-то смутные, до конца не осознанные чувства.

Если дело пойдет в таком темпе, то заполучить этот постоянный источник бесплатной кормежки не составит никакого труда.

Мэн Хуайсюй наклонился, поднял с пола упавший тюбик с эритромициновой мазью и снова сунул его в руку Пэй Цинюэ.

Пэй Цинюэ застыл, молча уставившись на лекарство.

Видя, что тот никуда не спешит, Мэн Хуайсюй без всяких церемоний ткнул его пальцем в бок и лениво скомандовал:

— Всё, после таких похвал у меня на душе сразу отлегло. Давай дальше мажь.

— ...

— Пэй-Пэй?

Пэй Цинюэ, сжав тюбик с мазью, глубоко вздохнул и, словно приняв какое-то решение, неожиданно бросил наугад:

— Если Ци Шэн снова станет цепляться к тебе или распускать руки, сразу приходи ко мне.

— ...А?

Мэн Хуайсуй окончательно растерялся.

В глазах Пэй Цинюэ мелькнуло редкое выражение сочувствия. Он взял новую чистую ватную палочку, выдавил на нее мазь и слегка приподнял подбородок Мэн Хуайсюя:

— Я всегда знал, что у Ци Шэна скверный характер и он вечно ищет неприятности. Но я не думал, что он способен так сильно избить даже тех, кто находится рядом с ним.

Мэн Хуайсуй не знал, смеяться ему или плакать: надо же, этот юноша принял синяки на его лице за шедевры молодого господина Ци.

Он уже хотел было объяснить, что эти следы оставил вчера вечером ублюдочный сводный брат Мэн Хуайчуань, когда заявился домой пьяным и всё крушил, но вовремя прикусил язык.

Раз кто-то жалеет, почему бы не прикинуться несчастным?

Мэн Хуайсуй тут же шумно втянул воздух и напустил на себя страдальческий вид, морщась от мнимой боли.

Пэй Цинюэ действительно купился на это и тут же ослабил нажим.

Сдерживая смех, Мэн Хуайсуй нарочно поддразнил его:

— Если я и впрямь приду к тебе за защитой, сможет ли этот задира Ци Шэн испугаться и сбежать?

К его удивлению, Пэй Цинюэ серьезно кивнул:

— Думаю, он станет сдержаннее.

Мэн Хуайсуй с трудом мог вообразить эту картину: высокомерный и наглый Ци Шэн почтительно пятится назад при виде Пэй Цинюэ.

Мэн Хуайсуй с чистой совестью наслаждался услугой личного целителя: у этого парня были длинные утонченные пальцы с сухими и мягкими подушечками, на которых почти не виднелось мозолей от ручки.

Он небрежно бросил второй вопрос:

— Только не говори, что втайне ты мастер боевых искусств и дома только и делаешь, что возишь Ци Шэна лицом об пол?

— Мы не живем вместе.

— Вот как.

Мэн Хуайсуй прекрасно знал всё в мельчайших деталях.

Родители Пэй Цинюэ погибли, и дед забрал его в главный дом, чтобы воспитывать лично, тогда как семья Ци Шэна обитала в отдельном особняке.

Ци Шэн в прошлом не раз изливал всю свою желчь перед их компашкой, до мельчайших подробностей выбалтывая все грязные сплетни и старые обиды клана Пэй.

Хотя сейчас у Мэн Хуайсуя и шевельнулся червячок совести оттого, что он притворялся дурачком перед Пэй Цинюэ, он был далеко не глуп, чтобы признаваться, как раньше целыми днями слушал за спиной сплетни о нем в компании Ци Шэна.

Мэн Хуайсуй совершенно естественно сменил тему:

— Полегче, староста Пэй. И впрямь больно.

Длинные пальцы закончили наносить мазь, мимоходом скользнув по щеке, подбородку и уголку губ Мэн Хуайсуя.

Кому-то другому он бы давно врезал за одну попытку дотронуться до его лица, но, как ни странно, от прикосновений Пэй Цинюэ он не испытывал ни малейшего отвращения.

— На словах жалуешься на боль, а уголки губ так и тянутся вверх.

Пэй Цинюэ отложил ватную палочку и бросил на него холодный взгляд.

Услышав это, Мэн Хуайсуй наконец не выдержал и тихо рассмеялся.

Дело было вовсе не в том, что с ним что-то не так, просто манера Пэй Цинюэ с абсолютно каменным лицом выдавать такие сухие шуточки невероятно ему нравилась.

Стоило ему взглянуть на этого парня, как на душе у него неизменно становилось легко и радостно.

Он совершенно не понимал, какая муха укусила Ци Шэна, раз тот шарахался от Пэй Цинюэ, как от чумы, лишь потому, что тот предпочитал парней.

Ну и что с того, что нравятся парни?

Пока этот огонь не затрагивает тебя самого, разве все не остаются в выигрыше?

Мэн Хуайсуй полушутя-полусерьезно бросил:

— Будь у меня младшая сестра, я бы точно не позволил добру уйти на сторону и заставил бы ее бегать за тобой до победного.

Пальцы, которые как раз собирались наклеить на его лицо пластырь, заметно замерли.

Только тут Мэн Хуайсуй сообразил, что предлагать латентному гомосексуалу завести девушку — это всё равно что гладить тигра против шерсти.

Невзначай проследив за реакцией Пэй Цинюэ, он тут же поспешил исправиться:

— Жаль, я просто к слову сказал. Дома у меня только никчемный братец. Хочешь, я избавлю общество от этой напасти и пристрою его тебе?

Пэй Цинюэ наградил его выразительным взглядом:

— О какой только чепухе ты вечно думаешь.

— А если заменить его на меня?

Мэн Хуайсуй тут же решил ковать железо, пока горячо.

В этот момент, завязавшийся в непринужденной болтовне, предчувствие скорого успеха крепло в его душе с каждой секундой.

Стоило лишь правильно погладить этого молодого господина против шерсти, как вскоре тот превратится в супербанкомат, куда надежнее, чем Ци Шэн.

Мэн Хуайсуй ухватил Пэй Цинюэ за руку, которую тот еще не успел убрать, и подушечкой пальца словно невзначай потерся о его костяшки:

— Я-то думал, ты просто высокий, а у тебя еще и такие красивые руки...

Не успел он договорить, как Пэй Цинюэ, словно ошпаренный, резко выдернул руку и отъехал на стуле далеко назад.

Столкнувшись с такой бурной защитной реакцией, Мэн Хуайсуй поднял обе руки в знак капитуляции:

— Да шучу я. Просто редко встретишь кого-то с руками больше моих, вот и захотелось сравнить. А ты так реагируешь, будто я к тебе пристаю.

Перед лицом столь неуклюжего оправдания Пэй Цинюэ тут же холодно парировал:

— Оставь свои легкомысленные замашки. Разве ты не говорил, что хочешь завести друзей?

— Ладно-ладно, с этого момента я буду хранить тебе верность, стану чистым и целомудренным.

Мэн Хуайсуй про себя покатывался со смеху: похоже, этот зубрила действительно предпочитал правильных и скромных парней.

Да плевать, лишь бы угодить его вкусам и порадовать денежного мешка — притвориться пай-мальчиком не стоит ровным счетом ничего.

Остаток времени Пэй Цинюэ молча уткнулся в самый сложный вариант по математике, пока в класс один за другим не стали подтягиваться остальные ученики.

Хотя внешне он по-прежнему оставался холодной неприступной глыбой льда, Мэн Хуайсуй заметил, что страницы он перелистывал куда более нервно, чем обычно.

И действительно, десять минут спустя, когда они сверяли ответы, Пэй Цинюэ к своему величайшему удивлению ошибся в одном из вопросов с выбором ответа.

Услышав досадный тихий вздох Пэй Цинюэ, Мэн Хуайсюй откинулся на спинку стула и с прекрасным настроением издал едва слышный свист.

Возможность заставить эту незыблемую ледяную глыбу потерять душевное равновесие из-за него вызывала тайное, почти наркотическое чувство гордости.

А амбиции полностью разрушить прочную броню Пэй Цинюэ и прибрать этого парня к рукам бурно разрастались на самом дне его души.

<http://bllate.org/book/19358/1892557>